

КНИГИ

Иван Кудряшов. К 125-летию со дня рождения художника.

Каталог выставки / Авторы текстов
И. А. Пронина, И. В. Смекалов

М.: Государственная Третьяковская галерея, 2021

Тигран Мкртычев

Много лет назад, рассматривая один из лучших альбомов эпохи «перестройки» «Авангард, остановленный на бегу» (издательство «Аврора», 1989), посвященный коллекции легендарного Нукусского музея, я обратил внимание на коллаж, опубликованный под номером «429». В небольшой аннотации содержались сведения об авторе работы, а также его портрет. С фотографии искоса смотрел усталый, «битый жизнью» мужчина средних лет, совсем не похожий на художника. Это был Иван Алексеевич Кудряшов. Из всей информации, которую я прочел в аннотации, единственным знакомым мне тогда именем было имя К. С. Малевича — он преподавал в ГСХМ автору коллажа, имеющего явное отношение к супрематизму. Однако в этой иллюстрации было одно «но» — коллаж датировался 1950-ми годами. Мне было непонятно, каким образом в Советском Союзе в 1950-е годы (если эта датировка верна) сохранились супрематисты? И вот по прошествии нескольких десятилетий, когда мне уже посчастливилось возглавить Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого, судьба подарила мне возможность прикоснуться к творческому наследию И. А. Кудряшова.

Сотрудники Государственной Третьяковской галереи И. А. Пронина и И. В. Смекалов долго и основательно готовили первую персональную выставку И. А. Кудряшова. Благодаря финансовой поддержке фонда U-ART они приехали в Нукус, где получили возможность познакомиться с большим количеством работ художника, в основном графических листов. В коллекции музея усилиями основателя и его первого директора И. В. Савицкого оказалась самая многочисленная часть наследия художника. Остальное рассредоточено по музеям четырех стран — России, Узбекистана, Греции и Франции. Впервые под одной обложкой опубликованы произведения из собраний Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Государственного Вятского художественного музея, Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого, Музея современного искусства в Салониках, Центра Помпиду. К открытию выставки исследователи подготовили издание, в котором им удалось впервые полно представить творческую эволюцию Кудряшова.

Рецензируемая книга, являющаяся, по сути, первым монографическим исследованием, состоит из нескольких разделов: трех статей; собственно каталога; корпуса архивных материалов, включающего публикацию неизвестных ранее документов и супрематических рисунков из коллекции Кудряшова (позднее — Костаки), раскрывающих связи между двумя центрами Уновиса — Витебском и Оренбургом. Воспроизведение текста и факсимиле страниц стенограммы речи К. С. Малевича, только недавно обнаруженной кураторами выставки, добавляет сенсационности данному разделу каталога. Не менее интересны данные впервые тщательно документированной биографии Ивана Кудряшова и списки книг, входящих в круг его чтения в 1919–1921 годах.

Открывает издание совместная статья И. А. Прониной и И. В. Смекалова «Траектория искусства Ивана Кудряшова». В ней исследователи определяют условия формирования Кудряшова как авангардиста. Вывод, который делают авторы статьи, — давайте судить о мастере по большой выборке его произведений, а не по единичным известным работам.

Следующая статья тех же авторов «Иван Кудряшов — художник в центре времени» посвящена детальному анализу жизни и творчества художника. В ней раскрываются многие неизвестные факты становления и развития экспериментального авангарда в России.

1. Иван Кудряшов. Общая схема росписи зрительного зала 1-го Советского театра в Оренбурге. 1920
Холст, смешанная техника. 101,5 × 88
Государственная Третьяковская галерея

Здесь не могу не отметить важность страниц, посвященных самому известному произведению Ивана Кудряшова — «Схема росписи зрительного зала 1-го Советского театра в Оренбурге» 1920–1921 годов. (Ил. 1.) Как повествуют авторы, история его создания растянута во времени и включала подготовительный эскиз общей схемы росписи зрительного зала (фрагмент сохранился на обороте эскизов росписи ярусов), графические эскизы (оказавшиеся в самом конце 1950-х годов у московского коллекционера Георгия Костаки), живописные варианты росписи занавеса и стены фойе (позднее утраченные). Концептуальное супрематическое полотно содержит целостную программу художника, которую удалось «разгадать» одному из авторов статьи. Ее изложению посвящено отдельное издание¹.

В третьей статье «Мастер с Авангардной улицы. Обретение творческого наследия И. Кудряшова» И. А. Пронина рассказывает о том, как в начале 1960-х годов работы художника пробивали дорогу к зрителю и к экспозициям в больших музеях.

Каталог включает 243 произведения, которые расположены в соответствии с последовательностью творческих этапов, выделенных составителями: «Кубизм, футуризм, кубофутуризм. 1918–1921»; «Супрематизм. 1921–1923»; «Абстрактивизм. 1921–1923»; «Космизм. 1922–1932»; «Фигуративизм. 1927–1950»; «Поздний Кудряшов. 1957–1970».

С моей точки зрения, именно каталожная часть представляет наибольшую ценность данного издания. Перед исследователями стояла необыкновенно сложная задача выстраивания логической картины творчества художника. В значительной степени они основывались на произведениях из коллекции Нукусского музея. Составители не скрывают, что нам предлагается реконструкция, которая базируется на анализе материалов, порой не имеющих достоверных датировок; множество работ снабжено названиями, которые, по всей видимости, не являются авторскими. В настоящем издании для их обозначения предлагаются авторские определения, указанные в оригинальных буклетах выставок 1920-х годов.

С 1922 года, как можно было бы определить этот период — на «выходе из супрематизма», художник последовательно создает несколько циклов (групп) абстракций: «Конструкции прямолинейного движения», «Конструкции криволинейного движения», «Свечение» (1925–1929), «Расхождение» (1922–1929), «Динамика в пространстве» (1925–1929), «Рождение планеты», «Пространственная живопись», «Галактика» (1930–1960-е). Смекалов и Пронина убедительно выстраивают стилистические ряды (изводы) этих циклов, которые Иван Кудряшов вел фактически до конца своей жизни. Авторы каталога критически относятся к некоторым датировкам работ, принятым в Государственном музее искусств им. И. В. Савицкого в Нукусе.

Следует отметить, что в учетно-хранительских документах Нукусского музея имеется большая группа работ И. А. Кудряшова,

1 Смекалов И. В. Реконструкция двух супрематических проектов Ивана Кудряшова для театров Оренбурга. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2021.

обозначенная как «Космос». Вопрос о том, как появилось это название в музейной документации и насколько работы, представленные в этой серии, соответствуют этому названию, требует дополнительно изучения. Принципиально и то, что по условиям организации выставки изменения названий и датировок, уже имеющих в музейной документации, были невозможны. И поэтому в ряде случаев авторы деликатно отметили свое несогласие в комментариях.

Уже в конце 1920-х годов Иван Кудряшов, единственный беспредметник в ОСТе, подвергается критике за формализм. Его принимают «перековырять», а затем и вовсе отлучают от выставочной деятельности. С большим трудом и потерями (моральными и физическими) мастер дождался первых успехов Советского Союза в космической отрасли. В своем творчестве он с воодушевлением откликнулся на космические полеты летательных аппаратов («Спутник 1», «Луна 3», конец 1950-х), восхищался проникновением человека во Вселенную («Человек в космосе», 1961).

Параллельно с новыми сюжетами в поздние годы Иван Кудряшов возвращается к своим циклам 1920-х — начала 1930-х годов. Исследователи определяют эти работы как «космизм» и «возвратный супрематизм».

Так я нашел ответ на вопрос, который задал себе при чтении альбома «Авангард, остановленный на бегу» — каким образом в конце 1950-х годов в Советском Союзе существовал супрематизм? Теперь мне понятно, это был «возвратный супрематизм» Ивана Кудряшова.

Реконструкция творчества Кудряшова не может не вызвать уважения — исследователи проделали огромную аналитическую работу. В то же время она не лишена некоторых «непроецируемых» тем. На одной из таких тем, которая в силу определенных причин уже становилась объектом моего интереса, я бы хотел остановиться. Речь идет об этапе, который назван «Космизм. 1923–1932».

В своих рассуждениях относительно «космизма» Кудряшова авторы опираются на мнение А. С. Шатских², охарактеризовавшей художника как «одного из ярчайших визионеров-космистов в мировом искусстве», развивавшего своей работой «космически-планетарный

2 Шатских А. С. Витебск. Жизнь искусства, 1917–1922. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 106.

смысл супрематизма». Но сам термин «космизм», используется здесь без каких-либо дополнительных определений.

Учитывая некоторые факты биографии Ивана Кудряшова, в частности, гипотетическое знакомство с К. Э. Циолковским (с. 5), увлечение художника космосом следует, скорее всего, понимать как интерес к движению в межпланетном пространстве. Именно такое понимание отражается в работах его товарищей по мастерской Малевича/Певзнера — З. П. Комиссаренко, автора первого советского мультипликационного фильма «Космическая революция» (1924), и Г. Т. Крутикова, создавшего вместе с Лисицким проект «Летающий город» (1928).

Иван Кудряшов не мог не улавливать и философский импульс супрематизма, когда Малевич представлял свою систему как космологическую конструкцию: «...мы открываем Супрематизм Мира, плоскость квадрата разрастается шестью гранями, и это будет шесть совершенств Миростроения» (из письма К. С. Малевича И. А. Кудряшову, 1921, с. 243).

Очевидно, что не без влияния учителя Иван Кудряшов сформировал собственную концепцию беспредметной живописи как «живописный образ, демонстрирующий безграничность *космического мира* и формирующий новое синтетическое ощущение в живописи». В его логике «*космический образ*, который создает интуитивно художник, аналогичен научному представлению о вселенной» (И. А. Кудряшов, Мысли об искусстве, 1925, с. 249; курсив мой. — Т. М.). Беспредметное искусство воспринимается здесь как мост в другие пространственные измерения: «Мы стали жить в космосе, и теперь точка схода должна быть там» (И. А. Кудряшов Космический образ, 1925, с. 252).

Но собственно философское понятие «космизм» («русский космизм») никак не пересекается с творчеством Ивана Кудряшова. В истории изобразительного искусства супрематизм и значительная часть его последующего творчества очевидно могут интерпретироваться как изобразительные картины космологии — постижение пространства и времени в беспредметных образах. И сам Иван Кудряшов отчасти считал именно так.

В то же время в истории русского искусства существовала группа художников-интуитивистов «Амаравелла», творчество представителей которой в большой степени соответствует попыткам мистического и образного постижения Вселенной, Космоса как структуры, то есть философского осмысления Космоса через изобразительный

2. Иван Кудряшов. Автопортрет. 1932
Холст, масло. 99 × 70
Государственная Третьяковская галерея

(как правило, нефигуративный) ряд. И именно об участниках этой группы ранее было принято говорить как о «художниках-космистах».

Однако творчество Ивана Кудряшова принципиально иное. И выставка обнажила неразработанность терминологии для обозначения постсупрематических пространственных поисков художников-новаторов. В личных беседах мне доводилось уже высказывать свои сомнения авторам каталога относительно использования термина «космизм». В нашем общении родилась несколько парадоксальная

формула по отношению к художнику, который и в каталоге, и на выставке предстает как «космист без космизма».

Пока у меня нет других материалов, кроме представленных в каталоге, для подходящего определения «космизма» Ивана Кудряшова. Но если привести целиком цитату из его поздних записей, становится страшно от мрачной «космической» иронии художника: «Развернусь я галактикой в пространстве и скажу, какая чудесная захватывающая картина, товарищ туберкулез...» (с. 255). Можно представить, что в Москве в 1960-е годы Кудряшов вместе со своим старинным товарищем по мастерской Малевича/Певзнера, еще одним «космистом» З. П. Комиссаренко, являлся живым действующим представителем того далекого легендарного времени. Это, кстати, натолкнуло меня на мысль, что название любимого альбома «Авангард, остановленный на бегу» не совсем точно отражает сложную историю искусства XX века. Некоторые представители авангарда продолжали свой «бег», когда многие считали, что их уже давно нет на этом свете.

При написании этой рецензии мне довольно часто приходилось употреблять слово «впервые». И в этом повторении нет никакого преувеличения. Действительно, многие произведения И. А. Кудряшова, как и уникальные архивные документы, были впервые показаны на выставке, а авторы каталога впервые проанализировали большой и ранее неизученный пласт отечественного искусства XX века.

В заключение хочется отметить высокий уровень профессионализма авторов издания. Благодаря их работе в историю отечественного искусства возвращается еще одно достойное имя и большой корпус неизвестных ранее документальных материалов. Проведенное исследование, опубликованная книга и подготовленная выставка дают основания для развернутой дискуссии о раннесоветском авангарде.

Надеюсь, что И. А. Пронина и И. В. Смекалов смогут снова обратиться к творчеству Ивана Кудряшова и доведут до конца разбор большой коллекции его произведений в Нукуском музее. Могу подчеркнуть, музей чрезвычайно заинтересован в продолжении их работы.

Данная рецензия была бы неполной, если бы я обошел стороной необыкновенно стильное оформление каталога, выполненного художником Д. Мордвинцевым. И то, что уже выходит за рамки рецензии, — слова благодарности дизайнерам К. Ассу и Н. Корбут, сделавшим удивительную экспозицию выставки, на которой мы смогли увидеть творчество «космиста без космизма».